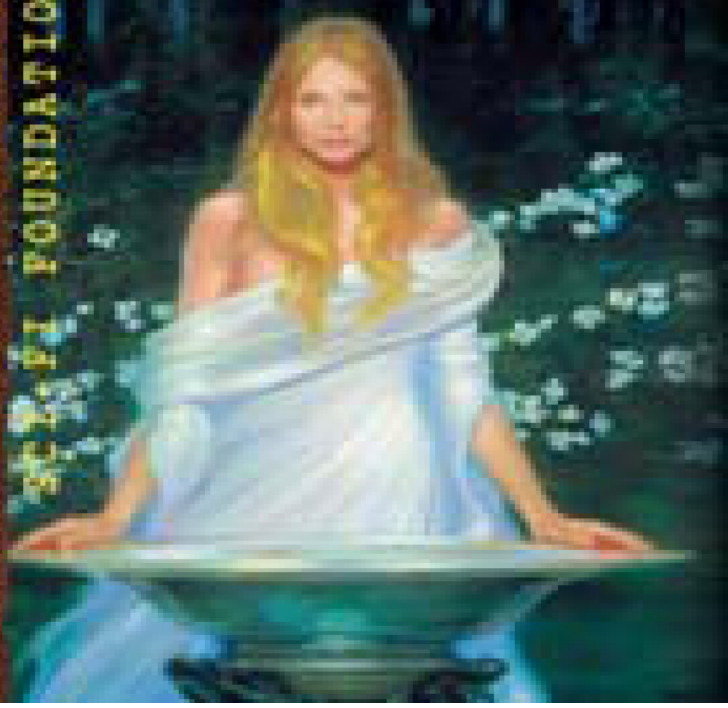
Вся

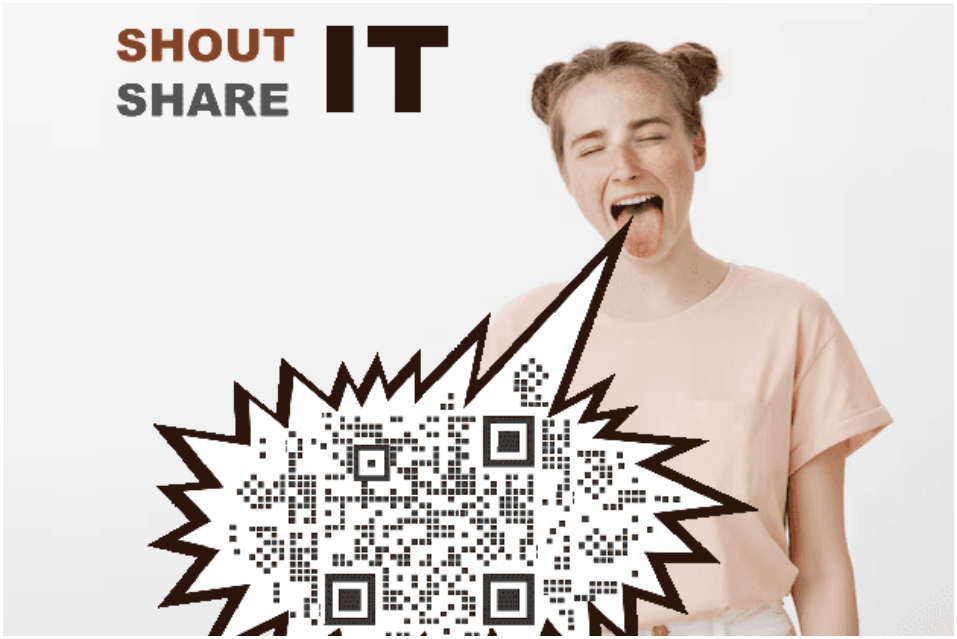
ЛЕ ГУИН

РОЗА ВЕТРОВ

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

SF FOUNDATION




SHOUT
SHARE
IT

- Урсула Ле Гуин
  - Манускрипт, найденный в муравейнике
  - Сообщение об экспедиции
  - Редакционная статья президента Ассоциации теролингвистики

Урсула Ле Гуин
Автор «Семян акации»

Манускрипт, найденный в муравейнике

Тексты, написанные выделениями желез органов осязания на дегерменизированных семенах акации, уложенных рядами в конце узкого изломанного туннеля, были обнаружены на одном из самых глубоких уровней колонии. Именно упорядоченное расположение семян и заинтересовало исследователей в первую очередь.

Содержание их отрывочно, перевод приблизителен и допускает различные толкования, однако тексты, безусловно, заслуживают внимания хотя бы из-за их поразительного отличия от любых других известных нам муравьиных текстов.

Семена №№ 1—13:

«(Я) не коснусь никого усиками. (Я) никого не поглажу. (Я) изолью сладость души на высохшие семена. Их, возможно, найдут, когда (я) умру. Коснись этого сухого дерева! (Я) призываю! (Я) здесь!»

Этот фрагмент может быть прочитан и таким образом:

«Не касайся никого усиками. Никого не гладь. Излей сладость души на высохшие семена. (Другие), возможно, найдут их, когда (ты) умрешь. Коснись этого сухого дерева! Призыв: (я) здесь!»

Ни в одном из известных нам муравьиных диалектов не используются никакие другие местоимения, кроме местоимений третьего лица единственного числа. В этом же тексте присутствуют только корневые формы глаголов, вследствие чего невозможно определить, является ли текст автобиографией или манифестом.

Семена №№ 14—22:

«Длинны туннели. Еще длиннее там, где нет туннелей.

Ни один туннель не достигает пределов не пройденного туннелями. Непройденное простирается дальше, чем мы можем пройти за десять дней. (Т. е. за вечность.) Хвала!»

Знак, переведенный как «Хвала!», является половиной традиционного выражения «Хвала Муравьиной Матке!», или «Долгой жизни Муравьиной Матке!», или «Ура Муравьиной Матке!», но в данном случае символ, обозначающий муравьиную матку, отсутствует.

Семена №№ 23—29:

«Как погибает муравей среди чужих муравьев-врагов, так умирает муравей без муравьев. Но все же жизнь без муравьев сладка, как нектар».

Муравья, попадающего в чужую колонию, обычно убивают. В изоляции же от других муравьев он неизменно умирает через несколько дней. Определенную трудность в этом фрагменте представляет слово/символ «без муравьев», что мы можем перевести как «в одиночестве» – концепция, для которой в муравьином языке слова/символа не существует.

Семена №№ 30—31:

«Пожирайте яйца! Превознесем Муравьиную Матку!»

Перевод фразы на семени № 31 уже вызвал довольно значительные разногласия среди специалистов, ибо полностью смысл предыдущих семян может быть понят только в свете этого последнего восклицания. Доктор Росбоун, например, высказал оригинальное предположение, что автор, бескрылая самка из касты муравьев-рабочих, выражает свое безнадежное стремление стать крылатым самцом и основать новую колонию, отправившись наверх в брачный полет с новой муравьиной маткой. Хотя текст, конечно, допускает подобное толкование, мы убеждены, однако, что нигде в других фрагментах текста оно не подтверждается, и меньше всего в предпоследнем семени, в № 30: «Пожирайте яйца!» Эта фраза, безусловно, шокирует, но смысл ее никаких сомнений не вызывает.

Мы осмелимся предположить, что споры вокруг семени № 31 вызваны, возможно, этноцентрической интерпретацией понятия «верх». Для нас «верх» – это «хорошее» направление. Однако для муравьев это не так, или, по крайней мере, не всегда так. «Верх» – это место, откуда поступает пища, без сомнений. Но «низ» – это безопасность, покой, дом. «Верх» – это палящее солнце, холодные ночи, отсутствие родных туннелей, изгнание, смерть. Поэтому мы предполагаем, что автор этого странного произведения в одиночестве опустевшего туннеля пытался доступными ему средствами выразить свое отчаяние в предельной, почти немыслимой для муравья форме отступничества, и правильным для человека прочтением семян №№ 30—31 будет следующее:

«Пожирайте яйца! Низвергнем Муравьиную Матку!»

Рядом с семенем № 31 найденного манускрипта исследователи обнаружили высохшее тело маленького муравья-рабочего. Голова его была отделена от туловища, возможно, челюстями муравья-воина из той же колонии. Однако семена, аккуратно уложенные рисунком, напоминающим фрагмент

нотной записи, остались нетронутыми. (Муравьи из касты воинов неграмотны, и, очевидно, этого солдата не заинтересовал набор семян, из которых уже извлекли съедобные зародыши.) В результате войны с соседним муравейником, начавшейся спустя некоторое время после смерти автора «Семян акации», колония была разрушена, и ни одного живого муравья в ней не осталось.

Г. Д’арбэй, Т. Р. Бардол

Сообщение об экспедиции

Сложнейшие проблемы, возникающие при чтении текстов на пингвиньем языке, в значительной степени облегчаются использованием подводной киносъемочной аппаратуры, поскольку, отсняв беглые пассажи текста на пленку, их можно замедлять и повторять до тех пор, пока постоянные повторы и усердное изучение материала не позволят исследователю понять многие элементы в высшей степени элегантной и живой литературы пингвинов, хотя определенные нюансы и, может быть, сама суть навсегда останутся не понятыми нами.

Благодаря профессору Дьюби, указавшему на отдаленное сходство пингвиньих текстов с поздними диалектами диких гусей, появилась наконец возможность составить первый ориентировочный глоссарий языка пингвинов. Аналогии с дельфиньим языком, использовавшиеся до этого, не принесли ощутимой пользы, а очень часто просто уводили исследователей в сторону.

Действительно, могло показаться странным, что тексты, написанные в воздухе почти исключительно крыльями и шеей, окажутся ключом к пониманию поэзии водных писателей с короткими шеями и рудиментарными крыльями, напоминающими скорее плавники. Однако мы бы не сочли это столь странным, если бы не забывали, что пингвины, несмотря на многочисленные другие соображения, все-таки птицы.

Хотя их письмена напоминают творения дельфинов по форме, нам ни в коем случае не следовало предполагать, что они будут соответствовать им и по содержанию. Разумеется, здесь нет никакого соответствия. В них чувствуется, конечно, тот же самый неординарный ум, вспышки безудержного юмора, изобретательность и неподражаемое изящество. Среди тысяч разновидностей рыбьих литератур лишь в немногих можно обнаружить хотя бы какой-то юмор, обычно довольно простой и примитивный; возвышенное же величие языка акул и тарпонов чрезвычайно далеко от радостного ощущения жизненной силы, присущего текстам китообразных. Радость, сила и юмор – всеми этими качествами наделены авторы-пингвины, равно как и многие творцы утонченных произведений среди тюленей. Связующим звеном здесь служит температура крови. Но устройство мозга и матки ставит барьер! Дельфины не откладывают яиц. И в этом простом факте заключена огромная разница.

Только после того, как профессор Дьюби напомнил нам, что

пингвины все-таки птицы и что они не плавают в воде, а летают, у теролингвистов появилась возможность постичь морскую литературу пингвинов. Только тогда были вновь исследованы и наконец оценены многие мили записей на пленке.

Но трудности перевода все еще остаются.

Весьма успешно продвигается изучение языка пингвинов Адели. Сделать запись группового кинетического представления в густом от планктона, штормящем океане при температуре 31 градус по Фаренгейту нелегко, но упорство членов Литературного кружка ледника Росса было вознаграждено такими, например, главами из «Осенней песни», как «Под айсбергом» – произведение, получившее всемирную известность в исполнении солистки Ленинградского балета Анны Серебряковой. Никакое словесное изложение не может сравниться с точностью и яркостью интерпретации мисс Серебряковой. Хотя бы потому, что словами невозможно передать богатство оригинала, столь прекрасно переложенного на язык танца труппой Ленинградского балета.

Разумеется, то, что мы называем переводом с языка пингвинов Адели или с любого другого группового кинетического языка, на самом деле всего лишь заметки, либретто без оперы. Балетная же версия – это истинный перевод, ибо с помощью слов добиться подобной полноты невозможно.

Хотелось бы, однако, заметить (хотя предвижу, что это мое высказывание будет встречено раздражением и насмешками), что для теролингвиста (в отличие от артиста балета или, скажем, просто любителя) кинетические письмена пингвинов являются, на мой взгляд, наименее обещающей областью исследований. А сам язык пингвинов Адели, несмотря на его очарование и относительную простоту, менее перспективен для изучения, чем язык императорских пингвинов.

Я уже слышу удивленные возгласы своих коллег. Императорский язык! Самый трудный, самый недоступный из всех диалектов пингвиньего! Язык, о котором даже профессор Дьюби заметил: «Литература императорских пингвинов столь же труднодоступна, как само замерзшее сердце Антарктики. Возможно, ей присуща неземная красота, но мы ее оценить не сможем».

Возможно. Я не хочу недооценивать трудности, одной из которых – и немалой – является темперамент императорских пингвинов: они сдержаннее других видов и менее общительны. Это может показаться странным, но именно на их сдержанность я возлагаю свои надежды. Императорские пингвины ведут групповой образ жизни, в брачный сезон они, как и Адели,

собираются в колонии, но у императорских пингвинов эти колонии значительно меньше и спокойнее. Отношения между членами колонии императорских пингвинов строятся скорее на личностной основе, нежели на социальной. Императорский пингвин – индивидуалист. И я думаю, можно с большой уверенностью сказать, что литературные произведения императорских пингвинов создаются отдельными авторами, а не группами. Следовательно, их можно перевести на человеческие языки. Разумеется, это кинетическая литература, но сколь отлична она от растянутых в пространстве, быстрых, многосложных хоралов морской письменности! Наконец-то появится возможность тщательного анализа и настоящего перевода.

«Что? – воскликнут мои критики. – Мы должны собраться и отправиться куда-нибудь на мыс Круазье, в мрак, в снежные бури, в мороз под минус 60 градусов лишь только для того, чтобы попытаться записать сомнительные поэтические творения нескольких странных птиц, которые сидят там на вечных льдах с яйцом между ног во мраке полярной зимы и снежных бурь при температурах минус 60 градусов?»

Да. Таков будет мой ответ. Подобно профессору Дьюби, я инстинктивно чувствую: красоты этих поэтических творений возвышенны более всего остального, что мы сможем найти на Земле!

И обращаюсь к тем моим коллегам, в ком силен дух научной любознательности и эстетической открытости. Вообразите: лед, вьющаяся поземка, темнота, непрекращающийся вой и стон ветра. И в этой темной пустыне одиночества – маленькая группка поэтов. Они голодны, они не будут есть еще несколько недель. На лапах у каждого из них под перьями на складке теплого живота лежит одно большое яйцо, оберегаемое таким способом от смертельного прикосновения льда. Поэты не слышат друг друга, не видят друг друга. Они лишь чувствуют тепло друг друга. Это – их искусство, их поэзия. Как вся кинетическая литература, она творится в молчании, но в отличие от других кинетических литератур эта почти неподвижна и невыразимо тонка. Дрожь пера, крохотное движение крыла, прикосновение, нежное, легкое, теплое прикосновение стоящего рядом. В невыразимо печальном черном одиночестве – утверждение. В отсутствии – присутствие. В смерти – жизнь.

Я получил значительных размеров дотацию от ЮНЕСКО и подготовил экспедицию. Имеются еще четыре вакансии. В Антарктику мы отбываем в четверг. Желающие отправиться с нами – добро пожаловать!

Д. Петри

Редакционная статья президента Ассоциации теролингвистики

Что такое язык?

Ответ на этот вопрос, центральный вопрос теролингвистической науки, был дан, можно сказать, эвристически самим существованием теролингвистики. Язык есть общение. Это аксиома, на которой базируются все наши теории и исследования, аксиома, из которой проистекают все наши открытия. О справедливости ее свидетельствуют успехи науки. Однако на другой вопрос, связанный, но не идентичный, вопрос «Что такое искусство?», мы пока не смогли дать удовлетворительного ответа.

Толстой в своей работе, названием которой служит этот самый вопрос, ответил ясно и убедительно: искусство тоже есть общение. Теролингвисты приняли подобный ответ без сомнений и перепроверок. Вот пример.

Почему теролингвисты изучают только животных?

Потому что растениям не свойственно общение.

Растениям не свойственно общение. Это факт. Следовательно, у растений нет языка. Очень хорошо, это следует из нашей базовой аксиомы. Но тогда у растений также нет и искусства. Однако погодите! Это уже следует не из базовой аксиомы, а из непроверенного вывода Толстого.

А что, если искусство не обязательно коммуникационно?

Что, если искусство может быть и коммуникационным, и некоммуникационным?

Мы сами – животные, активные, хищные; мы (что вполне понятно) ищем активное, свойственное хищникам, коммуникационное искусство и, находя, распознаем его. Развитие этой способности распознавать и умения ценить – наше недавнее, но славное достижение.

Однако необходимо признать, что, несмотря на огромные успехи, достигнутые теролингвистикой за последние десятилетия, мы только вступили в наш век открытий. И мы не должны становиться рабами аксиом. Нам еще предстоит вглядеться в раскинувшиеся перед нами более широкие горизонты. Мы еще не сталкивались лицом к лицу с потрясающим воображение вызовом, который бросает нам Растение.

Если некоммуникационное вегетативное искусство существует, нам следует переосмыслить самые основы нашей науки и изучить совершенно иную технику исследований.

Постичь искусство, например, красного дерева или тыквы посредством оценочных методов и технических средств, пригодных для понимания детективных сюжетов горностаев, эротических повествований бесхвостых амфибий или туннельных сказаний земляных червей, просто невозможно.

Весьма убедительно это доказали неудавшиеся попытки доктора Шриваса из Калькутты выявить лексикон подсолнечника при помощи фотографирования растения на кинопленку через определенные интервалы времени. Смелые, благородные попытки, но они были заранее обречены на провал, потому что доктор Шривас использовал кинетический подход – метод, пригодный для изучения коммуникационного искусства черепахи, устрицы или ленивца. Он считал чрезвычайно медленную кинетику растений – и только ее – единственной проблемой, требующей решения.

На самом же деле задача гораздо сложнее. Искусство, которое он искал – если оно существует, – будет некоммуникационным искусством и, вероятно, некинетическим. Возможно, что Время, столь важный элемент, матрица и мера всего известного нам искусства животных, никак не входит в искусство растений. Растения, возможно, пользуются такой мерой, как вечность. Кто знает?

Кто знает? Мы можем говорить лишь о том, что Искусство Растения, если таковое существует, совершенно отлично от Искусства Животного. В чем его суть, мы сказать не можем. Этого мы еще не знаем. И все же я с определенной долей уверенности предсказываю, что оно существует, что, когда мы его обнаружим, оно окажется не действием, а реакцией, не активным общением, а восприятием. Это будет форма искусства, прямо противоположная той, что мы знаем и признаем: впервые мы познакомимся с пассивным искусством.

Сможем ли мы познать его? Сможем ли когда-нибудь его понять?

Ясно одно: это будет невероятно трудно. Но мы не должны отчаиваться. Помните, что еще в середине двадцатого века большинство ученых и многие другие люди искусства не верили, что даже язык дельфинов будет когда-либо понят человечеством; более того, многие не верили, что в этом есть смысл. Однако минет век, и мы, возможно, покажемся будущим поколениям столь же достойными насмешек. «Представляете себе, – скажет какой-нибудь фитолингвист ценителю искусства, – они не умели читать даже на языке баклажанов!» И эти люди улыбнутся нашему невежеству, потом поднимут с земли рюкзаки и отправятся читать только что расшифрованные лирические стихи лишайника на

северном склоне пика Пайка.

А вместе с ними или вслед за ними пойдет, может быть, еще более дерзновенный искатель прекрасного – первый геолингвист. Не замечая утонченной, но скоротечной лирики лишайника, он станет вчитываться в то, что кроется под ней: в еще менее коммуникационную, еще более пассивную, полностью лежащую вне времени, холодную, вулканическую поэзию камней, каждый из которых – слово, произнесенное давным-давно самой Землей. Слово, вымолвленное в безграничном одиночестве еще более безграничного Космоса.